

18+

В.Ю. МИРОШНИЧЕНКО

РАССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРА – 2 ДЕЛО О ПАРАНОИДАХ

ДЕЛО № 4

Параноиды

В. Мирошниченко

Расследование характера — 2.

Дело о параноидах

<https://litres.ru/73872459>

ISBN 9785006982574

Аннотация

Книга посвящена проблеме психологии параноидного характера и стилизована под детектив. Автор представляет оригинальный взгляд на проблему формирования характера в рамках положений концепции тифоанализа. Характер рассматривается через призму дефицита определенной потребности и особенностей работы механизмов хронификации жизни (ассимиляции и элиминации).

Адресовано психологам, психотерапевтам и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами психологии.

Содержание

Пролог	5
Тяжёлый характер Сизифа	8
Метод	21
Дело о параноидах	55
Улика №1: Сверхценная идея	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Расследование характера — 2 Дело о параноидах

В. Ю. Мирошниченко

*Моей жене
Антонине
посвящаю*

Корректор Мария Черноок

© В. Ю. Мирошниченко, 2026

ISBN 978-5-0069-8257-4 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-8260-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Вниманию читателя предлагается книга, продолжающая анализ типов характеров. В первой части «Расследования характеров» мы рассмотрели три типа акцентуированных личностей: ананкастов, шизоидов и истероидов. В данной работе исследованию будет подлежать лишь один психотип — параноидный характер. Такое обособленное внимание оправдано не только клинической неординарностью типа, но и значительной ролью, которую параноидные личности играют в исторических событиях прошлого и настоящего.

Наш психологический анализ стилизован под детективное расследование. В нём ведущие черты характера именуются ключевыми уликами, описания психотипа разными исследователями — свидетельскими показаниями, а гипотезы, объясняющие генезис характера, — версиями расследования. Подобный нехитрый приём призван не только оживить повествование, но и послужить инструментом для обнаружения сокрытого в характере психического материала — того, что активно утаивается от посторонних глаз и связано с действиями или бездействиями, ущемляющими определённые человеческие потребности. Мы исходим из того, что каждый выраженный тип характера тяжёлым грузом несёт свою индивидуальную депривированную потребность.

Удовлетворение насущных потребностей — основа основ

здоровой жизнедеятельности. Отказ в удовлетворении какой-либо потребности причиняет вред, наносит ущерб здоровью и жизни. Мы вправе назвать его преступлением. При этом факт того, что человек приносит страдание самому себе и что таким образом жертва и преступник оказываются в одном лице, не отменяет ответственности за проступок и тяжесть самого преступления.

Среди характерологических сюжетов параноидный — один из самых опасных. Он может стать роковым не только для носителя характера, но и для окружающих. Параноик, не способный удовлетворить важную потребность, но при этом проявляющий стремление к доминированию и волю к власти, может натворить много бед. Именно поэтому обнаружение «точки самосборки» данного психотипа весьма актуально.

Какая главная ущемлённая потребность определяет судьбу параноидов? От чего в жизни добровольно отказываются люди параноидного склада, обрекая себя на страдание? Поиску ответов будет посвящено наше исследование.

Собрав необходимые улики, пройдём по следам преступления до точки окончательного понимания мотивов совершенного злодеяния и всех задействованных в нём способов, орудий и средств. Распутыванию дела о параноидах поможет обширный фактический материал, уже добытый разными исследователями. При этом мы не собираемся всецело полагаться на готовые версии интерпретации психотипа. Ме-

тод формальной логики детективного расследования порой приводит к неожиданным результатам, отличным от существующих психологических точек зрения.

Философ Сёрен Кьеркегор в трактате «Страх и трепет» писал: «Что касается меня, то я никогда не испытывал недостатка в мужестве, чтобы додумать мысль до конца; до сих пор я ещё не уstraшилcя ни одной идеи». Преступление — материал мрачный, но сколь пугающим он бы ни был, правда о нём подлежит раскрытию. Обещаем: в деле о параноидах у нас хватит кьеркегоровского мужества дойти до конца — установить преступление и его виновников. Принять или отвергнуть выводы расследования — право читателя.

Тяжёлый характер Сизифа

Традицию психологической интерпретации древних мифов заложил З. Фрейд, и её подхватили последователи психоаналитической школы. Придерживаясь её, мы выбрали древнегреческий миф о Сизифе в качестве метафоры, отражающей функционирование акцентуированного характера. В первой книге был показан комплекс Сизифа в проявлениях ананкастного, шизоидного и истероидного типа. Используем его и для параноидного характера, вкратце напомнив оригинальный сюжет.

Сизиф, по основной версии мифа, был правителем Коринфа (Эфиры). Царское положение обеспечивало ему безбедную и беззаботную жизнь. Но Сизифу было мало дарованного судьбой. Он сумел значительно приумножить земные блага. Гомер называл Сизифа «наихитрейшим» из людей, и такая оценка справедлива для смертного, способного обмануть всемогущих богов. Вот несколько ярких эпизодов из жизни коринфянина, в которых его характер проявлялся типично в разных ситуациях.

Сизиф вмешался в любовный роман Зевса с Эгиной, дочерью речного бога Асопа. Громовержец похитил красавицу Эгину наперекор воле её отца. Сизиф выведал, что любовники укрылись на острове Энона, и заключил сделку с Асопом: информация о месте нахождения дочери в обмен на воду для

Коринфа. Асоп согласился, и оба получили желаемое. Наказание от Зевса не заставило себя ждать. Сизифу была назначена крайняя мера — водворение в мир мёртвых. Но когда бог смерти Танатос явился к виновнику, Сизиф с помощью уловки и команды местных кузнецов заковал бога в цепи.

Танатос на несколько лет оказался в плену. Тем самым Сизиф не только спас себя от мрака подземного царства, но и остановил наступление летального исхода для всех людей. Миропорядок, установленный богами, был нарушен, и, в свою очередь, пришло время Аида возмутиться вопиющей ситуацией. Он потребовал у Олимпа немедленно возобновить поставки мёртвых людей в своё царство.

Освободить Танатоса из заточения был послан бог войны Арес. Он с успехом выполнил свою миссию, и биологически противоестественное положение дел было исправлено — люди снова получили возможность умирать. А первой жертвой после вынужденного простоя в работе бог смерти мстительно избрал Сизифа. Царь Коринфа был решительно водворён в Аид.

На этом история хитрого коринфянина не заканчивается. Даже в Аиде Сизиф смог проявить свой характер. Перед уходом в подземное царство Сизиф предусмотрительно договорился с супругой, что та не будет совершать после его смерти традиционные погребальные обряды. Жена исправно выполнила наказ мужа.

Боги были сильно озадачены и рассержены поведением

вдовы. Покойник есть, а погребальных жертвоприношений нет. Пользуясь моментом, Сизиф подступился к жене Аида Персефоне с просьбой. Он вызвался лично наказать супругу за несоблюдение священных законов, востребовать немедленного проведения собственных похорон и принесения положенных богам жертв. Для этого он попросил малость — отпустить его ненадолго в мир живых.

Видимо, в древнем обществе достаточно высоко ценилось соблюдение установленных предками традиций и обычаев, даже в ущерб здравому смыслу. Только этим объясняется то, что Персефону доверилась словам человека, с лихвой запятнавшего свою репутацию, и согласилась на беспрецедентный поступок — отпустить мёртвого к живым.

Сизиф вновь оказался в родном Коринфе, а в обитель теней возвращаться не стал. Вместо этого хитрец принялся пировать, радоваться жизни и всячески проявлять витальные устремления. Так продолжалось несколько лет. Само собой разумеется, что вина Сизифа перед богами только усугубилась. После того как на Олимпе и в Аиде спохватились и отсутствие обманщика было обнаружено, за ним был послан Гермес. Перехитрить бога хитрости наихитрейшему из людей уже не удалось. На этот раз Сизиф был окончательно этапирован в загробный мир. Больше попыток дезертирства коринфянина из рядов мёртвых боги не допускали.

Стоит упомянуть, что за свою жизнь Сизиф успел насолить не только богам, но и людям. Так, он враждовал со сво-

им братом Салмонеем и даже намеривался его умертвить изошрённым способом, подсказанным оракулом Аполлона. Он изнасиловал дочь Салмонея Тиро, она забеременела и родила сыновей-близнецов. Повзрослев, сыновья, в чьих жилах текла Сизифова кровь, должны были убить Салмонея. Но коварному замыслу не суждено было сбыться. Тиро узнала о планах Сизифа и умертвила сыновей.

В другой истории не менее известный хитрец и разбойник Автолик стал воровать коров из стада Сизифа. Царь Коринфа не мог поймать вора за руку, но придумал тайно пометить своих животных под копытами специальным знаком. Это позволило наконец уличить Автолика в краже. Но простого возврата коров Сизифу было недостаточно. Он отомстил обидчику, овладев дочерью Автолика Антиклеей.

В одной из версий мифа Сизиф был сам низведен до статуса простого разбойника. Он совершал незаконные набеги на Аттику, нападал на путников и убивал их весьма мучительным способом — придавливая огромным камнем.

Обозревая жизнь Сизифа, мы находим признаки состава далеко не одного преступления. За все свои деяния против людей и богов коринфянин получил в Аиде суровое наказание. Он обречён вечно вкатывать тяжёлый камень в гору, но как только валун достигает вершины, то неизбежно устремляется вниз. Сизиф бесчисленное количество раз возвращается к подножию горы и вновь начинает свой труд. Когда пишутся эти строки, Сизиф всё ещё не властен прекратить ра-

боту. Он катит и катит свой тяжёлый камень...

Именно часть мифа о наказании Сизифа нескончаемыми рабочими буднями получила широкую известность. Крылатое выражение «сизифов труд» призвано обозначать тяжёлые и бесполезные усилия. Очевидно, что трудоголизм Сизифа не заслужил народного одобрения. Марксистская идея о том, что труд создал человека, остаётся сомнительной. Даже по прошествии миллионов лет человеческой истории труд ради труда не приобрёл какой-либо ценности. Работа по-прежнему интересует человека лишь как опосредованный источник разнообразных благ. При отсутствии таковых труд воспринимается как неоправданное страдание. Но надо заметить, что более точный перевод строк Гомера говорит о том, что Сизиф всё-таки имел смысл своего труда. Он не просто должен был докатить камень до вершины с ясным пониманием, что камень в очередной раз сорвётся обратно вниз. Сизиф имел цель перевалить его через вершину.

Я и Сизифа увидел, терпящего тяжкие муки.

Камень огромный руками обеими кверху катил он.

С страшным усилием, руками, ногами в него упираясь,

В гору он камень толкал. Но когда уж готов был тот камень

Перевалиться чрез гребень, назад обращалась тяжесть.

Под гору камень бесстыдный назад устремлялся, в долину.

Снова, напрягшись, его начинал он катить, и струился

Пот с его членов, и тучею пыль с головы поднималась.

(Перевод с греческого В. Вересаева)

Возможно, перевалив камень через вершину на другую сторону, Сизиф освободился бы от его пут и посмертные страдания героя на этом закончились. Но в Аиде он каждый раз обманывается в надежде на успех труда.

Против ясного видения Сизифом своего положения говорит также эпизод, упомянутый древнеримским поэтом Овидием в мифе об Орфее. Орфей в подземном мире чудесной игрой на лире и песней заставил грешников оторваться от своей навязчивой деятельности и переключить внимание на тему любви и ценностей межличностных отношений.

Внемля, как он говорит, как струны в согласии
зыблет,

Души бескровные слёз проливали потоки. Сам
Тантал

Тщетно воды не ловил. Колесо Иксионово стало.

Птицы печень клевать перестали; Белиды на урны

Облокотились; и сам, о Сизиф, ты уселся на камень!

(Перевод с латинского С. Шервинского)

Значит, Сизиф потенциально мог прервать труд, оставить в покое камень, задуматься над своими действиями и рационально изменить паттерн поведения. Но задумался Си-

зиф лишь однажды и на короткие минуты звучания песни Орфея. Следовательно, всё остальное время он находится в некоем затуманенном состоянии разума. Его сознание аффективно сужено одной иллюзорной надеждой. Бывший царь Коринфа не может оторваться от работы, одержимый единственной мыслью — перевалить валун через вершину. Не камень держит Сизифа, а он держится за камень. Каменная ноша стала частью характера героя, существенно утяжелив его.

Можно строить предположения о том, восхищали ли обманы и хитрые комбинации Сизифа древних греков и могли ли они снисходительно отнестись к герою — нарушителю клятв, но сочинители мифов явно неслучайно определили пораженческий удел его судьбе. Посмертное воздаяние традиционно основывается на принципе зеркальности и соразмерности земной и загробной жизни, преступления и наказания. Избыток в одном мире гармонично уравнивается недостатком в другом. Вместо царской праздности Сизиф обрёл посмертный тяжкий труд, сравнимый с нагрузкой рабов в каменоломнях. Вместо лёгкого удовлетворения своих прихотей за счёт окружающих коринфянин получил постоянное напряжение собственных сил и отсутствие какой-либо помощи со стороны. Вместо обмана других людей Сизиф обречён вечно обманываться сам, надеясь на завершение своего труда с каждой новой попыткой подъёма камня. И, наконец, вместо сиюминутного удовольствия и кратковременной

выгоды он был ввергнут в состояние вечного страдания.

На отсутствие у древних греков симпатии к образу Сизифа указывает то, что в загробном мире ему фактически отведено положение раба и назначена крайне изнурительная работа. По античным понятиям физический труд считался позорным занятием, не подобающим свободному человеку. Рабы имели статус вещи, «говорящего орудия». Как известно, ученик Сократа Ксенофонт советовал свободным грекам обращаться с рабами как с животными. Следовательно, царь Коринфа в Аиде не просто наказан изнурительными физическими нагрузками, но унижен и символически лишён статуса свободного эллина. Таким образом, непростой характер хитреца испытали на себе не только боги и люди, но он оказался слишком тяжёл и для самого Сизифа.

Показательно, что в Аиде Сизиф соседствует рядом с другим малосимпатичным героем Танталом, который наказан за сыноубийство, воровство и клятвопреступление. Образ Тантала имеет параллели с Сизифом. Оба были знатного происхождения и занимали высокое положение, оба испытывали терпение богов и шли на обман. Даже наказание Тантала имеет сходство с Сизифовым в вечной надежде избавления от мук и тщетности усилий в достижении желаемого. Стоя по горло в воде, Тантал не может утолить жажду, потому что вода тотчас отступает от губ, а с окружающих его деревьев свисают сочные плоды, но как только он пытается дотянуться до них, ветви поднимаются вверх.

Можно описать личность Сизифа следующим образом. Основные черты его характера — склонность к обману и жадность. Эти черты, как и положено характерологическим чертам, устойчивы, ригидны и не допускают вариативности поведения. Меняются обстоятельства, но не меняется реакция человека на обстоятельства. Мотивированная *принципом удовольствия* (удовлетворение потребности сейчас и сразу) жадность позволяет Сизифу хорошо выхватывать из окружающего мира и удерживать то, что ему необходимо. Но этот же гипертрофированно усиленный механизм ассимиляции не позволяет ему отказаться от того, что сулит впоследствии принести гораздо большее страдание. Сизиф верен своему характеру, и он не готов следовать *принципу реальности*, который благоразумно велит терпеть небольшое неудовольствие сейчас ради достижения большего удовольствия потом. Если бы Сизиф был способен поступать смело, открыто и честно, своевременно расплачиваясь по счетам и допуская какие-то жертвы ради достижения перспективных целей, он мог бы прожить гораздо более долгую жизнь и насладиться сполна всеми теми благами, которыми он располагал или умело приобретал.

Паттерны любого характера проявляются как в малых, так и в больших масштабах. Начиная от ситуативных реакций, способов выстраивания отношений, проживания отдельных историй и глобально заканчивая судьбой жизни — везде мы увидим повторение одного и того же характерологического

слепка. В своём тиражировании в разных масштабах он подобен фракталу, который имел бы шанс быть бесконечным, если бы его не ограничивала конечность человеческой жизни.

На первый взгляд жизнелюбие и гедонистичность Сизифа чужды параноидной ригидности. Однако в характере коринфянина можно усмотреть в том числе наличие некоторых параноидных черт. Во-первых, Сизиф конфликтен. Он наживает себе врагов в лице богов и людей. Он упрямо борется с ними разными способами: обманом (история с Танатосом и Персефоной), наступлением (борьба с Аресом), бегством (из Аида), изоляцией (сокрытие на Коринфе). Во-вторых, Сизиф мстителен (история с Салмонеем и Автоликом). В-третьих, уже в загробной жизни Сизиф обзаводит-

ся главным атрибутом параноидной личности — единственной сверхценной установкой (идеей перевалить камень через вершину горы).

Рассматривая в ракурсе типичного повторения личность Сизифа, мы подходим к главной проблеме характера. К тому, что в его структуре является крайне избыточным и крайне недостаточным. Как правило, внимание исследователей привлекает именно отчётливо видимая избыточная составляющая характера — ярко выраженные черты человека. В то же время те качества, которых недостаёт в личности, отходят на второй план. Избыток у Сизифа черт ассимилятивного (захватнического) модуса затмевает его слабую элиминативную сторону — неспособность отдавать. В отношениях с людьми и богами он не готов был платить за то, что получал соразмерную цену и не отдавал взамен приобретаемому свои силы, время, свободу. Такая предприимчивая тактика приносила Сизифу осязаемые результаты, и на первый взгляд она была оправдана. Однако по факту дальнейшей судьбы героя мы видим, что Сизиф проиграл. В финале мифа бывший в земной жизни коринфянина избыточный модус ассимиляции принудительно уравнивается усиленным модусом элиминации в потустороннем мире: постоянное выскальзывание из рук камня отныне навсегда заиклено во времени.

С образом Сизифа, толкающего в гору камень, ассоциируется литературный сюжет из «Божественной комедии» Данте Алигьери, проиллюстрированный Гюставом Доре. В четвёр-

том круге ада, охраняемом Плутосом — бывшим греческим богом богатства, ставшим мерзким демоном, герои узрели толпу грешников, толкающих тяжёлые грузы.

Как над Харибдой вал бежит вперёд
И вспять отхлынет, преграждённый встречным,
Так люди здесь водили хоровод.

Их множество казалось бесконечным;
Два сонмища шагали, рать на рать,
Толкая грудью грузы, с воплем вечным;

Потом они сшибались и опять

С трудом брели назад, крича друг другу:

«Чего копить?» или «Чего швырять?»

(Перевод с итальянского М. Л. Лозинского)

На вопрос Данте, кто эти несчастные люди, Вергилий поясняет, что это две толпы противоположных друг другу грешников — одни при жизни славились чрезмерной расточительностью, а другие, напротив, чрезмерной скупостью. Так же, как Сизиф, грешники наказаны за избыточные и ригидные качества своих характеров и обречены повторять поведенческий цикл бесчисленное число раз. Уверенные в правоте своих действий, они не могут освободиться от взятого ими груза, упрямо толкают его вперёд, сшибаются в давке и откатываются назад. Но если Сизиф в одиночестве поднимает в гору камень, то бедолаги ада в тесноте толкают друг друга и свои грузы подобно тому, как и в обычной жизни острые углы тяжёлых характеров мешают межличностным отношениям и больно ранят окружающих, привнося в человеческий мир разлад.

В основе ведущих черт характеров скупердяев и расточителей (транжир), за которые они получили воздаяние в аду, лежат два вышеупомянутых базовых механизма хронификации жизни — ассимиляции (включения в себя) и элиминации (исключения из себя). Нарушение нормальной работы данных механизмов играет главную роль в формировании акцентуированных типов характеров и параноидного характера в частности. Подробнее об этом в следующей главе.

Метод

Жанр детектива, как правило, не предполагает детального знакомства читателя с методом расследования. Сыщик идёт по следам преступника, и действующие в его «мозговой кухне» изошрённые приёмы обнаружения и соединения улики, рождающиеся в глубинах его разума рабочие версии, способы выявления подозреваемых и мотивов преступления до поры сокрыты от читателя. По этой причине читатель может приступить к знакомству с делом о параноидах, не озадачивая себя погружением в теорию метода. Для этого достаточно перелистнуть данную главу.

В то же время в хороших детективах автор, как правило, честен перед своим читателем и не просто отводит ему роль стороннего наблюдателя, но наделяет его статусом партнёра по расследованию. По ходу сюжета писатель даёт подсказки, прямо или косвенно указывающие на подозреваемого, тем самым предоставляя читателю возможность, опередив детектива, оперативно раскрыть преступника раньше финальной развязки повествования. Будем и мы честны и предоставим читателю не только улики, но и весь несложный психологический инструментарий, достаточный для достижения поставленной цели расследования.

В деле о параноидах мы будем использовать тифоаналитическую концепцию, разработанную Ю. Р. Вагиным. Она

опирается на идею З. Фрейда о влечении к смерти и развивает её. В отличие от психоаналитической дуалистической теории влечений, тифоанализ стоит на позиции монизма и рассматривает влечение к смерти как единственное влечение всего живого. И хотя эта позиция может показаться парадоксальной, она опирается на неоспоримый объективный факт: смерть — конечный итог жизни, а движение к этой цели от начала рождения всегда идёт в одном направлении и никогда в обратном, что и есть влечение к смерти. На этом пути прочие инстинкты-влечения (сексуальные, пищевые, самосохранения и пр.) — только частные проявления (дерииваты) одного общего детензионного влечения (влечения к снижению напряжения или влечения к смерти). Не будем углубляться в доказательную базу. Интересующиеся термодинамическими, физиологическими, психоаналитическими обоснованиями тифоаналитических утверждений могут обратиться к работам Ю. Р. Вагина: «Тифоанализ», «Диалог со Шмидт-Хеллерау», «Страх». Здесь же ограничимся лишь отдельными положениями тифоанализа, необходимыми для понимания проблемы характера.

Если существует общее влечение, определяющее вектор жизнедеятельности, то есть и общие механизмы, обеспечивающие его функционирование. В тифоанализе они именуются механизмами хронификации жизни. К ним относится агрессия, элиминация, боль и страх. Предоставим слово автору концепции.

Если страх и боль — те ограничители, которые встроены в систему хронификации жизни, то агрессия и элиминация — те механизмы, которые последовательно обеспечивают процесс хронического умирания... Агрессия как «включение в себя» и элиминация как «исключение из себя» — составные части жизни как диссипативного процесса, осуществляющие тот самый обмен веществ, который традиционно рассматривается как обязательный атрибут жизни.

Агрессия как часть системы хронификации жизни, подчиняющаяся влечению к смерти, предусматривает интерес к различным объектам окружающей среды, способным так или иначе удовлетворить наши потребности. То, что мы называем интересом, аффилицией, любовью и т. п., есть различные проявления агрессивного механизма, вслед за которыми следует фиксация и деструкция — частичное или полное разрушение в целях дальнейшей инкорпорации (включения в себя). Механизм элиминации выводит из организма все те элементы, которые, оставшись в нём, могли бы привести к ускорению процесса умирания.

Система агрессии и элиминации имеет отношение как к биологическому, так и к психосоциальному функционированию. Для качественной жизни необходимо уметь не только агрессивно усваивать необходимые элементы окружающего физического мира и выводить из себя все мешающие, но и агрессивно устанавливать необходимые психологические и

социальные связи, а также качественно рвать их в случае их повреждающего действия. Точно так же, как существенные нарушения в процессах усвоения и выведения различных веществ — основа практики соматической медицины, нарушения в процессах установления и разрыва социальных и психологических связей — основа практики психотерапии...

— *Ю. Р. Вагин*

Таким образом, агрессия¹ и элиминация обеспечивают диссипативный процесс последовательного снижения напряжения организма и поддерживают в нём постоянный обмен веществ со средой. С помощью данных механизмов происходит удовлетворение потребностей, поддерживается физиологический, психологический и социальный гомеостаз, осуществляется регулярное отведение напряжения в живой системе. Агрессия и элиминация рассматриваются как разнонаправленные по объекту (включаемому в организм или выносимому за его пределы) и как однонаправленные по цели процессы (обеспечение снижения напряжения в организме).

Как видим, термин «агрессия» в тифоанализе имеет ори-

¹ Тифоаналитический механизм агрессии близок к «довраждебному образцу» агрессии, о котором говорил Э. Эриксон и который называл «адрессией» (от лат. ad-направленность к чему-либо и gressus — хождение, ходьба). Адрессия изначально относится к модусам органа и проявляется в способе хватания предметов, приближении и установлении взаимоотношений. Также тифоаналитическая агрессия имеет сходство с понятием агрессии у Ф. Перлза, который рассматривал последнюю как нормальную биологическую функцию не только пищевого, но и любого другого инстинкта, имеющего цель удовлетворения потребности.

гинальное значение, и оно отлично от традиционного понимания агрессии как враждебного поведения субъекта, сопряжённого с насилием и причинением вреда объекту агрессии. Во избежание путаницы вместо термина «агрессия» в дальнейшем будем использовать термин «ассимиляция».

Нормальное функционирование механизмов ассимиляции и элиминации, обеспечивающих хорошее удовлетворение детензионного влечения, напрямую влияет на качество жизни. «Хорошо жить — это значит качественно умирать: не быстро и не долго, а именно столько, сколько заложено в нас природой, и именно теми способами, которые заложены в нас природой», — утверждает Ю. Р. Вагин.

Недостаточная работа механизмов ассимиляции и элиминации ведёт к неудовлетворению потребностей, росту напряжения в организме, нарушению оптимума жизнедеятельности, что равно усилению влечения к смерти и ускорению процесса умирания — развитию *авитальной активности* (суицидальной и парасуицидальной активности). При авитальной активности действия ассимиляции и элиминации могут быть вторично усилены, но если они не приводят в итоге к удовлетворению потребностей и снижению напряжения, то и в этом случае речь идёт об их недостаточности. Крайнее нарушение работы ассимиляции и элиминации в тифоанализе описывается ситуацией: организм не может получить то, что ему нужно, и не может удалить то, что ему не нужно.

Описывая базовые принципы, регулирующие работу ме-

ханизмов элиминации и ассимиляции, мы оперируем психоаналитическими понятиями принципа удовольствия, принципа реальности и психической экономики. О последнем стоит сказать подробнее.

В психоанализе об экономическом подходе говорят применительно к распределению в психическом аппарате психической энергии, её формам и способам разрядки. Мы же будем обращаться к понятию *психической экономики* в упрощённой трактовке. В любом вопросе о причинах поведения человека и проявляемых им чертах характера ответом будет служить факт положительной экономики. Суть её в том, что направленность поведения человека всегда ориентирована в положительную сторону: любое действие или цепочка действий нацелены на то, чтобы в итоге сумма удовольствия всегда превышала сумму неудовольствия. Даже если внешне поведение человека кажется нерациональным, дезадаптивным и разрушительным, где-то в нём обязательно кроется субъективная выгода. Человек всегда совершает выбор в пользу субъективно положительной экономики, а не наоборот. Внешние обстоятельства, конечно, могут подрывать баланс психической экономики в отрицательную сторону, психотравмируя и умножая сверх меры страдание, но даже в самых тяжёлых обстоятельствах человек всегда будет искать и находить доступные ему приёмы и способы разрядки напряжения, чтобы изменить экономический расклад в поло-

жительную сторону. В конце концов, даже суицид, как это ни прискорбно, часто является последним способом уйти от затопляющего психику неудовольствия бытия, когда в экономическом раскладе жизнь становится хуже смерти.

Работа принципа психической экономики наглядно иллюстрируется в анекдоте про человека, который всегда покупал ботинки на размер меньше. Они ему сильно жали, он мучился, но упорно продолжал носить узкую обувь. На вопрос о мотиве своих действий он отвечал, что в жизни у него всё плохо: жена — стерва, дети отбились от рук, друзья отвернулись, на работе платят гроши. И единственная радость, которая осталась, — это прийти домой и испытать облегчение, снимая узкие ботинки. В этой истории эффект удовольствия от прекращения боли вполне очевиден. Но почему же тогда все вокруг не носят узкие ботинки? Ответ прост: в данной ситуации психическая экономика отрицательна — сумма неудовольствия от постоянных болезненных ощущений в течение дня значительно превышает сумму кратковременного удовольствия от прекращения боли.

Несмотря на общую положительную направленность баланса психической экономики, её величина отличается у разных людей. Один человек может быть в значительном плюсе, другой — с трудом сводить концы с концами. Для обеспечения хорошей психической экономики необходимо, чтобы механизмы ассимиляции и элиминации работали постоянно, своевременно, адекватно ситуации и качественно

удовлетворяли потребности. Это то, что Ф. Перлз называл ритмом контакта-ухода. Человек, исходя из своих потребностей, должен уметь брать то, что ему нужно, и отказаться от того, что ему не нужно. Для благополучной и счастливой жизни в социальном пространстве человек в каждом актуальном моменте бытия должен быть способен вовремя сказать «да» или «нет» и подкрепить свои желания действиями.

Какое отношение имеют процессы ассимиляции и элиминации к характеру? Самое непосредственное. Индивидуальные особенности функционирования этих механизмов и качество их работы по удовлетворению потребностей формируют образ жизни человека, уникальный рисунок его характера.

Для наглядности рассмотрим нарушение механизма ассимиляции на примере пищевого поведения. Допустим, человек испытывает голод. Для его удовлетворения необходима активизация механизма ассимиляции пищи: поиск и поглощения еды. Чем сильнее чувство неудовольствия от голода, тем интенсивнее работа ассимиляции, направленная на снятие соматического напряжения. Однако если по каким-то причинам человек не может удовлетворить голод или плохо его удовлетворяет, это ведёт к предсказуемому исходу. Тема еды начинает доминировать и глобально определять его текущее бытие. Человек постоянно думает о еде, говорит о еде, ищет еду, бурно реагирует на стимулы, связанные с ней. В различных ситуациях он проявляет типич-

ную эмоциональную, мыслительную, вербальную, поведенческую активность. По сути, он всегда и везде демонстрирует один и тот же «голодный характер». Когда нормальное утоление голода неосуществимо, возможен поиск вариантов блокировки мотива или снижения его остроты. Например, приём химических веществ, притупляющих аппетит. В этом случае активность уже будет противоположной ассимиляции — человек элиминирует мотив из сознания, развивает активность, направленную на подавление потребности в еде. Такая противоположная активность становится реципрокным тормозом для первично запущенного механизма.

Поскольку без еды человек может существовать не более месяца, то вести разговор о «голодном характере» (дефицитарном соматическом характере с неудовлетворённой пищевой потребностью) не имеет большого практического смысла, хотя истории людей, вынужденно перенёсших длительный голод, свидетельствуют о неизгладимом отпечатке пережитого на чертах личности. Нас же интересует сфера не соматического, а социального метаболизма, где характер человека раскрывается во всех своих красках. Неудовлетворённые потребности в пространстве социального взаимодействия также угрожают нормальному функционированию человека, его жизни и здоровью, вплетаясь в личностные особенности. Однако, в отличие от соматических потребностей, социальные допускают отлагательство своего удовлетворения на более долгий срок. Этот факт обуславливает то, что

многие причинно-следственные связи депривированной потребности с обострением черт характера ускользают от внимания. Человек способен долго терпеть, откладывая удовлетворение насущных желаний, что порой создаёт обманчивое впечатление об их незначительности для жизни и здоровья.

Наш подход направлен на выявление длительно неудовлетворённых потребностей, сопряжённых с определёнными типами характеров, и на установление роли в этих процессах механизмов ассимиляции и элиминации. Но достаточно ли только двух механизмов хронификации жизни для описания всего многообразия человеческих характеров? Да, достаточно, при условии, что их функционирование протекает в различных органах и системах организма. Для каждого из характеров проблемной становится конкретная потребность, обусловленная нарушением одного из механизмов хронификации жизни. Так, шизоидному характеру соответствует нарушение удовлетворения потребности в коммуникации и механизма ассимиляции окружающих людей; ананкастному — проблема неудовлетворения личных эгоистических потребностей и нарушение механизма элиминации жёстких социальных предписаний; для истероидного — нарушение потребности в самоуважении и механизма ассимиляции различных сторон своей личности.

Данный подход оправдан тем, что именно потребности становятся точкой отсчёта для дальнейшего разворачивания личностной истории. Неудовлетворённые потребности сиг-

нализируют о себе негативными эмоциями, которые запускают мотивацию, стимулируют когнитивный поиск решений возникших проблем и в конечном счёте определяют типичное поведение человека. Диагностика личности при таком подходе строится по простой формуле: «Скажи мне, чего тебе не хватает, и я скажу тебе, кто ты».

Может показаться, что концепция ассимиляции-элиминации слишком механистична и она не способна описать все перипетии сложных человеческих отношений. Однако внимательный наблюдатель, вооружившись этой концепцией, будет немало удивлён, насколько часто в обыденной речи межличностные взаимодействия раскрываются через слова и выражения, указывающие на работу механизмов хронификации жизни. Особенно ярко механизмы отражены в любовных отношениях, где психологический и социальный метаболизм наиболее интенсивен («Сплетенье рук, сплетенье ног, судьбы сплетенье» — Б. Л. Пастернак), но далеко не только там. Мы говорим об ассимиляции, когда описываем взаимодействие людей через *близость, вживание, взаимность, воссоединение, впускание в своё пространство, дружбу, единение, единоподушие, единомыслие, зависимость, интерес, контакт, наведение мостов, нахождение общего языка, нераздельность, обоюдность, овладение, партнёрство, поглощение, понимание, привлечение, привязку, принятие, присвоение, растворение друг в друге, резонанс, родственность, самоотдачу, сближение, симпатию, слияние,*

совместимость, сочувствие, сопереживание, союз, спаянность, сплочение, страсть, увлечённость, удержание, упрочение связей, эмпатию... И мы говорим об элиминации через *автономию, антипатию, бегство, бросание, выход из игры, забвение, избавление, изживание, изоляцию, игнорирование, избавление, конфликт, конфронтацию, личные границы, независимость, обособление, отпускание, освобождение, оставление в покое, отвержение, отдаление, отделение, отказ, отмену, оторванность, отрешение, отречение, отстранение, отторжение, отчуждённость, раздор, размолвку, разногласие, разобщённость, разрыв, раскол, расставание, разъединение, сепарацию, стирание из памяти, уклонение, уход, утрату, эмансипацию...*

Несмотря на то что речь идёт всего о двух базовых механизмах соматического, психологического и социального метаболизма, оперирование ими в расследовании первопричин формирования характеров возможно. Но оно требует определённого сдвига рассмотрения характеров и устройств личности с психопродуктивной позиции (максимального охвата набора черт и проявлений характера в различных сферах) к *дефицитарной*.

С точки зрения дефицитарности специфика характера определяется нарушением (ослаблением) одного или обоих механизмов хронификации жизни при удовлетворении определённой потребности. То, что человек длительно не может получить или от чего не может отказаться в своей

жизни, составляет индивидуальное ядро характера. Вокруг него вторично формируются характерологические наслоения, призванные поддержать адаптацию человека в условиях ограниченных поведенческих свобод и дефицита необходимых навыков по удовлетворению тех или иных потребностей. Другими словами, характер определяет не столько то, что человек может (не его потенции), сколько то, что человек не может. Описание характера — это в значительной степени описание того, что человек делает *вместо того*, что должно напрямую удовлетворить его потребности.

Дефицитарная позиция — следствие тифоаналитического ракурса рассмотрения проблемы характера². Она отличается от большинства (профицитарных, психопродуктивных) подходов в психологии, где основой описания и типизации характера служит количественный избыток и выраженность тех или иных черт. На фоне психопродуктивных теорий особенно примечательны немногочисленные концепции, авторы которых всё же приходят к выводам о ключевой роли не избытка, а именно недостатка в формировании характера.

А. С. Новиков, опираясь на концепцию А. Г. Асмолова о характере как инструментальном проявлении индивидуальности, предлагает оригинальный метод коррекции характе-

² Мирошниченко В. Ю. В поисках базовых критериев клинической типологии характеров и личностных расстройств: механизмы «ассимиляции» и «элиминации» // Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Будущее клинической психологии — 2014» / Под ред. Е. В. Левченко, Пермь, 2014. — С. 150—154.

рологических отклонений. Автором разработана модель-метафора, позволяющая построить операционную схему характера через «набор инструментов». В этой модели черты характера или поведенческие стереотипы рассматриваются как «ящик с набором инструментов». Идеально полный набор содержит все мыслимые инструменты для выполнения любых работ. Мастеру для решения той или иной задачи достаточно только взять нужный инструмент. Он не испытывает трудностей в выборе способа действия в любой обстановке. Если нужно проявить терпение и выдержку — будет ждать, если необходимо проявить смелость — бросится в атаку, возникнет задача мотивировать людей — произнесёт зажигательную речь и т. д. Любое поведение носителя такого идеального характера будет целесообразным и адекватным ситуации. Однако в реальности полного набора инструментов у мастера нет.

В реальности ни идеально полного набора материальных инструментов, ни идеального характера не существует. Всякий инструментальный ящик всегда неполон. Эта ограниченность набора приводит к тому, что мастер в условиях отсутствия нужного орудия выполняет задачу с помощью более или менее подходящего из того, что есть... Человек устраивает скандал там, где необходимо попросить или просто переждать, другой обречённо ждёт там, где целесообразно стукнуть по столу кулаком. Каждый может использовать только те инструменты, которые у

него есть.

Именно дефицит инструментария, приводя к не всегда оправданно частому употреблению имеющегося в наличии, и создаёт специфику поведения человека, знакомую нам под названием «характер».

Обыденное сознание склонно описывать особенности характера человека через избыток, а не дефицит «он слишком стеснительный, упрямый, гордый и т. д.». Однако модель «набора инструментов» заставляет думать, что инструментов много не бывает, может только не хватать того, что необходимо в данный момент. «Слишком стеснительный» означает лишь дефицит раскованности, а «упрямый» — недостаток гибкости...

— А. С. Новиков

В модели А. С. Новикова до тех пор, пока набор инструментов-черт не создаёт видимых трудностей в реализации текущих задач, характер такого человека можно называть гармоничным. Если ограниченность инструментария порождает сложности в отдельных сферах деятельности, но не приводит к общей дезадаптации, то данный характер акцентуирован. В случаях, когда набор инструментария крайне мал, носитель такого характера проявляет низкую эффективность деятельности в большинстве социальных сфер и именуется психопатом. «„Идеальный психопат“ располагает одним инструментом, который он вынужден применять всегда и при решении абсолютно всех задач», — отмечает А. С.

Новиков.

Дефицитарный подход в психологии характера также близок к предложенной К. К. Платоновым концепции о «минус-способностях» и «плюс-способностях». «Минус-способность» — это неспособность личности к освоению определённых видов деятельности. При этом одно и то же свойство личности может быть способностью к одному и неспособностью к другому виду деятельности.

Неспособность (или «минус-способность») — это такая структура свойства личности, которая неблагоприятно сказывается на освоении определённого вида деятельности, выполнении и совершенствовании в ней. Неспособность — это степень несоответствия данной личности в целом требованиям определённой деятельности. Она также раскрывается через структуру данной личности и структуру требований данной деятельности к личности. Потому неспособность является таким же общим качеством личности, как и способности, полярным им.

— *К. К. Платонов*

Аналогично точке зрения К. К. Платонова мы можем говорить, что неудовлетворение конкретной потребности обусловлено либо плохой способностью к ассимиляции («минус-ассимиляцией») или плохой способностью к элиминации («минус-элиминацией»). На месте неудовлетворённой потребности и дефицита работы механизмов хронификации жизни компенсаторно образуются черты характера («плюс-

черты»). Они вторичны по отношению к первичному дефициту. Именно нехватка насущного является отправной мотивационной точкой, которая определяет дальнейшее разворачивание личностной истории.

Так, исследователь акцентуированных типов А. Е. Личко прямо указывает на то, что заострённые характерологические черты проявляются не везде и не всегда, а только в «месте наименьшего сопротивления» (*locus resistentiae minoris*). К «слабому месту» или «слабому звену» характера он относит специфическую для каждого психотипа ситуацию, в которой носитель характера обнаруживает дефицит своих способностей для оптимальной адаптации — свою «ахиллесову пяту». Такая ситуация воспринимается акцентированной личностью как трудная, плохо выносимая и психотравмирующая. Например, для психоастенического характера «слабое звено» — ситуация повышенной ответственности; для шизоидного — необходимость близкого, неформального общения; для истероидного — ситуация, остро уязвляющая самолюбие. Можно назвать эти места также местами острой фрустрации потребности. И во всех обозначенных случаях черты характера, до сих пор малозаметные или умеренно выраженные, проявляются ярко и избыточно. С нашей точки зрения, усиление акцентуированных черт является попыткой компенсировать фрустрированную потребность. Поэтому то, что А. Е. Личко в описаниях акцентуированных характеров называл «слабым звеном», в нашем ракурсе явля-

ется «центральный дефицитарным звеном», вокруг которого формируются периферийные звенья — психопродуктивные компенсаторные черты.

Что касается процесса ослабления одного или обоих механизмов хронификации жизни в удовлетворении потребностей, то он подчиняется принципу *реципрокного торможения* (от лат. *reciprocus* — взаимный, сопряжённый). Термин «реципрокное торможение» заимствован из физиологии, где он описывает процесс возбуждения одной группы нервных клеток через торможение других. Например, сгибание колена обеспечивается тем, что возбуждение мышц-сгибателей одновременно провоцирует торможение мышц-разгибателей. В теории тифоанализа Ю. Р. Вагина данный термин не используется, но нам представляется целесообразным его введение.

Принцип реципрокности заключается в том, что развитие одного процесса автоматически подавляет развитие другого. Разнонаправленность механизмов ассимиляции и элиминации как раз свидетельствует о том, что в конкретный момент времени в одной физиологической системе не могут протекать сразу два процесса и что возбуждение одного механизма автоматически тормозит запуск другого. Ассимиляция подавляет элиминацию и наоборот. Человек не может одновременно схватить или отпустить, напасть или убежать.

Актуальная потребность диктует характер поведения, выбор механизма ассимиляции или элиминации. Голод толка-

ет к ассимилятивному поиску и поглощению пищи, боль — к элиминативному избавлению от раздражающего агента и т. д. Но в жизни порой складываются ситуации, когда потребность настойчиво заявляет о себе, а человек откладывает её удовлетворение или вовсе отказывается в удовлетворении. Этот отказ также обеспечивается включением того или иного механизма, но в данном случае работа ассимиляции и элиминации будет инверсированной и даже патологической — она не удовлетворяет потребность и ведёт к росту психического напряжения.

Патологическая работа реципрокности в структуре характера проявляется в том, что человек совершает нечто противоположное тому, к чему непосредственно побуждает его первичное желание. Например, в межличностных отношениях, когда партнёр, вызывающий значительное психическое напряжение, элиминативно не изгоняется из жизни, можно говорить о вынужденном ассимилятивном его удержании. В этом случае диагностируется не только недостаточная, слабая, «плохая» элиминация, не удовлетворяющая потребность, но и одновременно обнаруживается избыточная, интенсивная, «хорошая» ассимиляция. Такая выраженная ассимиляция объекта сама по себе служит патологическим (авитальным) тормозом естественного элиминативного процесса.

Возникает вопрос: как, с точки зрения психической экономики, возможно отказаться от удовлетворения естествен-

ной потребности, которая в таком случае будет постоянно сигнализировать индивиду о своём ущемлении и мотивировать к снятию психического напряжения? Краткий ответ З. Фрейда заключался в допустимости ситуации, когда «неудовольствие одной системы является одновременно удовлетворением другой». А если учесть, что конкуренция за приоритетное право удовлетворения потребности протекает не только внутриспсихически, но и межпсихически в сложных социальных взаимодействиях индивидов, то депривация желаний становится достаточно обыденным явлением человеческой жизни.

Конечно, ни одна потребность не может быть навсегда заблокирована и выключена из психики. Кроме связи ассимиляции и элиминации в реципрокном торможении, нельзя обойти вниманием *компенсаторные образования*, вплетающиеся в характер. Благодаря им потребность находит своё выражение в косвенных и смещённых на другие объекты формах. Если реципрокно усиленный механизм направлен противоположно механизму, удовлетворяющему потребность, то механизм, несущий функцию компенсации, однонаправлен. Поскольку компенсаторный механизм способен лишь отчасти удовлетворить потребность, снизить остроту её напряжения, он проявляется в избыточном выражении, из-за чего его часто распознают как нечто не вполне здоровое. Достаточно известным примером проявления подобной компенсации является «смещённая агресс-

сия» (злость на одного вымещается на другом). При этом компенсация не есть удовлетворение необходимой потребности, но лишь временное ослабление её остроты, частичная разрядка напряжения, канализация первичных побуждений.

Проиллюстрируем работу компенсаторных образований на примере расследованных характеров из первой книги. Ведущим механизмом для *шизоидов* (интровертов) является элиминация. Их потребность в коммуникации заторможена, и они плохо умеют или не умеют ассимилировать в своё окружение людей. В то же время чертой их характера и одновременно компенсаторным образованием часто выступает сильная смещённая ассимиляция объектов неживой сферы — книг, знаний, абстракций, теоретических фантазий. Для *ананкастов*, плохо умеющих удовлетворять свои эгоистические желания и следующих строгим социальным предписаниям, компенсаторным образованием является неустанная элиминативная борьба с фобиями. Для *истероидов*, у которых плохо удовлетворена потребность в самоуважении, в ассимиляции всех сторон своего «я», компенсацией служит повышенная ассимиляция поверхностных отношений, хороших ролей, масок, демонстративного превосходства.

Таков общий ракурс, предлагаемый для рассмотрения типов характеров. Он не основывается на маргинальной теории и не является чем-то принципиально новым, но находится в рамках традиционной психодинамической парадигмы, медицинской психологии и психиатрии. К дихотомическому

различению биологических механизмов близки выводы отдельных авторов, сделанные в рамках самостоятельных теорий. Ф. Александер предлагал группировать желания получить или взять, сохранить, отдать или уничтожить с физиологическими процессами потребления веществ и энергии из внешней среды, их накопления в организме и выделения конечных продуктов метаболизма. Э. Эриксон выделял модулы анатомических органов, доминирующих в определённых стадиях психического развития: элиминативный, инкорпоративный, ретентивный и интрузивный (последние четыре в совокупности имеют единую ассимиляционную направленность). К. Г. Юнг в основе разделения психологических типов видел биологические предпосылки, куда относил для экстравертов «повышенную плодовитость при относительно малой обороноспособности и недолговечности отдельного индивида», «способность постоянно растрачиваться, распространяться и внедряться во всё», а для интровертов — «вооружение индивида многообразными средствами самосохранения при относительно малой плодовитости», «обороняться от внешних требований и воздерживаться от всякой затраты энергии, направленной прямо на объект, но зато создавать для себя самого возможно более обеспеченное и могущественное положение». Следы присутствия двух биологических механизмов также обнаруживаются в теоретических построениях у Ж. Пиаже в теории «аккомодации» и «ассимиляции», у Ф. Перлза в теории агрессии и понятии

«ритма контакта со средой и ухода», у А. Кемпинского в теории «информационного метаболизма», у М. Е. Бурно в диалектическом разделении типов характеров на агрессивные и дефензивные (от лат. *defenso* — оборонять).

Таким образом, мы имеем достаточные основания, чтобы использовать механизмы ассимиляции и элиминации в качестве критериев разделения типов характеров и личностных расстройств и применить их для анализа частного случая параноидного характера. В нашем расследовании речь будет идти главным образом о психотипе, выраженном до степени акцентуации. Для яркости образа также в отдельных случаях будем обращаться к проявлениям черт, которые наблюдаются только при параноидной психопатии (расстройстве личности). Разграничение акцентуаций и психопатий не будет в дальнейшем играть существенную роль для расследования характера, но нашу позицию по данному вопросу обозначим.

Теория акцентуации характера, хотя и была разработана немецким психиатром К. Леонгардом, однако получила широкое распространение только в отечественных школах психиатрии и психологии. Причина непопулярности теории К. Леонгарда за рубежом, возможно, заключается в том, что его подход потенциально повышает риск стигматизации, поскольку психиатрические названия и описания большинства типов акцентуаций незавуалировано указывают на сродство акцентуированных черт с аналогичными типами психопатий.

Сама по себе идея, что между нормальной и патологической личностью должен существовать промежуточный (акцентуированный) тип личности, довольно логична. К ней независимо от теории К. Леонгарда приходят и другие исследователи. Например, американский психиатр Д. Олдхэм в соавторстве с Л. Моррис предлагают типологию, близкую к классификации акцентуированных личностей. Эта типология построена на основе критериев американского диагностического руководства психических расстройств DSM-IV, где у каждого расстройства личности обнаруживается аналог нормального типа личности с умеренно выраженными чертами. Например, в авторской терминологии параноидальному расстройству личности соответствует «бдительный тип».

По определению *акцентуация характера* — это заострение определённых личностных черт, их крайнее выражение, которое не выходит за границы нормы. Но, к сожалению, граница нормы и патологии в науках о психике никогда не была достаточно твёрдо осязаемой. С равным успехом можно утверждать, что акцентуация характера — лишь лёгкое субклиническое выражение патологии, её нижняя граница. Книга З. Фрейда «Психопатология обыденной жизни» хорошо иллюстрирует подобную размытость демаркационных линий нормативного и патологического.

Учение об акцентуациях характеров должно получить новое дыхание в 11-м пересмотре международной классификации болезней (МКБ-11), где подчёркивается градация рас-

стройства личности по степени нарушения функционирования индивида (лёгкое, умеренное, тяжёлое), а также, помимо понятия «расстройство личности», вводится понятие «личностные проблемы». Установление личностных проблем и лёгкого расстройства личности с необходимостью потребует дифференциальной диагностики с «крайне выраженной нормой» — акцентуацией характера.

Нам импонирует социологический подход к психопатиям, позволяющий разграничить акцентуации и расстройства личности не только в количественном аспекте выраженности черт, но и в качественном. С его позиций в полной мере психопатиями следует именовать *социопатии*. В их основе лежит выпадение у индивида способности к эмпатии, отсутствие чувства вины и совести. Эти психопатические «минус-способности» являются основными, в то время как дополнительные характерологические черты, традиционно приписываемые психопатической личности в других теоретических подходах, лишь факультативны и присущи в том числе и непсихопатам. Единственная причина выраженности этих неспецифических черт у психопатов-социопатов — отсутствие социальных «тормозов и противовесов», в условиях которых заурядные черты характера проявляются экспрессивно и избыточно. Другими словами, если у нормальных людей эмпатия и совесть притормаживают выраженность экспрессии ряда черт характера, то у социопатов нет никаких ограничителей для снижения амплитуды проявле-

ния тех же самых черт. Проще говоря, психопатия — не основа типа характера, а патологическая среда, в которой тип характера часто получает максимальную степень проявления. Но в любом случае в основе формирования типов акцентуированного и психопатичного характера будут лежать неспособность или плохая способность к удовлетворению определённой потребности (для каждого типа своей). По крайней мере, такие выводы напрашиваются исходя из предлагаемой нами тифоаналитической трактовки генезиса характера. Впрочем, как оговаривалось, теоретические споры о границах расстройств личности и акцентуаций характеров не входят в задачи нашего исследования.

Несколько слов в оправдание метода детективного расследования. Уместно ли его применение к характеру человека? З. Фрейд в своё время сравнивал работу психоаналитика с археологией — методичной раскопкой давно погребённых в бессознательном пластов психического материала. Но, учитывая, что аналитик имеет дело не с косным, застывшим во времени и пассивным материалом, а с живым субъектом, более удачным будет сравнение психоанализа или любой другой психодиагностики и психотерапии с работой детектива.

Подобно детективу, психоаналитик анализирует активность субъекта, вскрывает его истинные мотивы, цели и обнаруживает страдание человека. А поскольку любое страдание живого существа связано с неудовлетворением какой-то насущной потребности, возникает закономерный во-

прос: *жертвой* чьих рук стал пришедший на терапию человек, кто ответственен за его душевную боль? В попытке найти ответ психотерапевт обнаруживает порой весьма подозрительное поведение жертвы. С настойчивым упрямством она проявляет активность, направленную на *искажение информации* и *сокрытие правды*. В теории психоанализа такое противодействие раскрытию истины известно давно и названо *сопротивлением*. Кроме того, часто выясняется, что одной из обострённых тем психических переживаний пациента становится *чувство вины*. Жертва, сокрытие правды, противодействие, вина... Не скрывается ли за всем этим нечто преступное?

Преодолев сопротивление и пройдя в своём анализе дальше, детектив-психотерапевт наконец находит виновника страдания жертвы и получает признательные показания, но... виновником «преступления» неожиданно оказывается сама жертва. Ситуация парадоксальна. С одной стороны, пациент сообщает, что он страдает и желает, чтобы его неудовлетворительная жизнь изменилась. С другой стороны, этот же человек прилагает немалые усилия к тому, чтобы жизнь никоим образом к лучшему не менялась. Более того, порой он своими активными действиями или пассивностью настолько ухудшает собственное положение и помещает себя в такие тяжёлые и опасные ситуации, которые напрямую ставят под угрозу его здоровье и жизнь. Можно ли назвать это преступлением? Да. Именно действие/бездействие, направ-

ленное на лишение возможности индивида удовлетворить ту или иную потребность, и есть преступление, совершённое в отношении него. Это не что иное, как преступление против жизни и здоровья.

Понятия «жертва», «преследователь», «виктимность» давно вошли в психологический обиход. Также установлена закономерность частой смены ролей жертвы и преследователя. Поэтому факт того, что жертва и преступник оказываются в одном лице — лишь мнимый парадокс, который снимается пониманием того, что «неудовольствие одной системы является одновременно удовольствием другой». Индивид с хронически неудовлетворённой потребностью — жертва преступления, но также он и преступник, который злонамеренно отказывает себе в достижении желаемого. Этот факт отчасти усложняет расследование характера, но не отменяет его принципы. Главная задача обнаружения преступника давно сформулирована Шерлоком Холмсом своему напарнику: «Ищите мотив преступления, Ватсон».

Итак, анализируя и обнаруживая отдельные объективные и субъективные признаки состава преступления, где мотивы и детали злодеяния не всегда очевидны, мы вправе применить к изучаемому явлению метод расследования. Насколько эвристично его использование, читатель может судить самостоятельно.

Расследование характера обладает рядом преимуществ в сравнении с обычным описанием черт характера. В опи-

сательном подходе избыточность рассмотрения личности с различных сторон и в различных сферах жизни претендует на всесторонний охват проблемы. Но, к сожалению, на выходе мы нередко получаем избыточный набор во многом противоречивых черт личности. Это значительно расширяет границы типа характера до смешения его черт с чертами других психотипов. Кроме того, в описательном методе сложно ответить на вопрос, какие черты характера считать его главными и обязательными составляющими (ядром характера), а какие — производными.

В методе расследования черты параноидного характера не будут рассматриваться как случайный набор свойств, но выступают в качестве улик, позволяющих докопаться до истины. При этом мы будем придерживаться формальной логики, идти от частного к общему и проводить анализ причинно-следственных связей до тех пор, пока все улики не укажут на единственную непротиворечивую версию, полностью исчерпывающую предмет расследования. Для этого не понадобится скрупулёзно перебирать все приписываемые параноидному типу характера черты. Достаточно выделить те из них, которые в своём соединении дают ясную и оптимально полную картину. Прочие второстепенные черты характера также могут легко вписаться в общую логическую схему, но существенно не добавляют ничего нового и поэтому не требуют к себе внимания.

Не будем слишком самонадеянными. Хотя в психиатриче-

ской и психологической литературе нет недостатка в описании параноидного психотипа различными авторами (их цитаты будут приобщены к делу как свидетельские показания), но никакое расследование не застраховано от возможных тупиков. Сложности обусловлены целенаправленными действиями преступника, направленными на сокрытие следов преступления. Сюда относятся сопротивление анализу, вытеснение психотравмирующих аспектов, связанных с неудовлетворённой потребностью, использование различных приёмов самооправдания, включение всевозможных защитных механизмов, искажающих информацию и компенсирующих боль от содеянного.

Выйти из тупиков в расследовании характера позволит ещё одна путеводная нить тифоанализа — понимание механизма работы *страха* в человеческой психике. Согласно тифоаналитической максиме, «любой страх всегда прикрывает собой желание, чтобы произошло именно то, чего ты боишься. То есть любой страх всегда прикрывает собой влечение к тому, что он собой прикрывает» (Ю. Р. Вагин).

В разрозненном виде идея связи страха и желания так или иначе высказывалась в психоаналитической литературе. У А. Фрейд в «Психопатологии детства» читаем: «Маленький мальчик, впадающий в состояние страха всякий раз, когда родители вечером или при плохой погоде уходят из дома, выдаёт тем самым своё вытесненное желание их смерти; то же самое справедливо для ребёнка, который прислушивает-

ся ночью к дыханию спящего брата или сестры, чтобы убедиться, что он жив». О. Фенихель по поводу сексуальных фобий, страхов, связанных с питанием, анальных фобий, фобий враждебных действий писал, что для них «справедлива общая формула, которая была бы чрезмерным упрощением в более сложных случаях: индивид опасается того, чего он бессознательно желает».

Несмотря на отдельные наблюдения закономерностей проявления фобий, в том числе и самим З. Фрейдом, в психоанализе так и не была предложена общая теория страха. Поэтому постулат о прикрытии страхом желания является оригинальным элементом исключительно тифоаналитической концепции Ю. Р. Вагина. В тифоанализе страх, наряду с болью и механизмами ассимиляции-элиминации, включён в общую систему хронификации жизни.

Возникновению страха должны удовлетворять два условия: а) в окружающей действительности (в том числе в собственном теле) обнаружены признаки, угрожающие дальнейшему существованию индивида; б) по ряду причин произошло усиление влечения к смерти и вторичное усиление страха как результат активизации системы хронификации жизни. Чем больше фобия, тем большее желание она собой прикрывает («Всё, всё, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья» — А. С. Пушкин). Подробнее с доказательной базой по теме страха читатель может ознакомиться в работах Ю. Р. Вагина. Мы же возьмём

связь страха и бессознательного желания как установленный факт. Подобно тому как по тени можно судить о форме предмета, так и, отталкиваясь от типичного содержания фобии, мы потенциально можем выйти на конкретное фрустрированное желание (неудовлетворённую потребность) в структуре личности.

Страх побуждает отказаться от желанного, но при этом всегда держит в напряжённом фокусе внимания объекты, связанные с потребностью. Именно страх часто включает замену элиминативного или ассимилятивного удовлетворения потребности по принципу реципрокного торможения — он инвертирует процесс на обратный. Вместо необходимого приближения и захвата желаемого возникает его отторжение, а вместо действий по отдалению от ненужного включается его вынужденное удержание.

Таковы основные аспекты тифоаналитического метода расследования, который далее будет использоваться в деле о параноидах. Помимо развлекательной стилизации под детектив, книга преследует также цель обнажить параноидный характер в большей степени психологизма. Вместо скучного перечисления давно известных черт данного психотипа, более уместного для справочников и учебников, постараемся лаконичными штрихами раскрыть параноидную историю, в которой потребности и мотивы, поначалу запутанные, предстанут в конце абсолютно прозрачными и понятными. Эта история имеет свою упрямую, зачастую трагическую, логику.

ку, и, несмотря на присутствие острой драмы, в ней есть начало и конец.

Мы сохраним структуру книги, аналогичную предыдущей работе: первым делом разберём главные улики характерологического преступления, затем в предварительных размышлениях остановимся на рабочих версиях и выявленных типах расследования и, наконец, в кульминационной развязке предложим окончательную версию преступления. В эпилоге, который, впрочем, не обязателен для детективного повествования, затронем аспекты психотерапии параноидного характера.

По ходу расследования мы также часто будем обращаться к психоаналитическим выводам. Достаточно только вспомнить, что одна из центральных тем психоанализа — комплекс Эдипа — коренится в запретных инцестуозных желаниях и криминальных мотивах отцеубийства, чтобы понять значение психоаналитических выводов для развития детективного сюжета. Нам близка теория З. Фрейда, ибо она — одна из немногих школ, которая в своих глубинных изысканиях устанавливает причинно-следственные связи и берётся ответить на вечный, непростой вопрос: «Почему?».

Последнее замечание к методу. Расследуя параноидный характер, мы будем исходить из допущения о «чистом типе», предполагая, что в его функционировании доминирует проблема нарушения удовлетворения одной, центральной потребности. Безусловно, существуют сложные configura-

ции индивидуальностей, сформированные на основе плохого удовлетворения более одной потребности. Это так называемые смешанные, амальгамные и мозаичные типы характеров, которые здесь не будут затронуты.

Дело о параноидах

К чертам параноидного типа личности относят целеустремлённость, преданность идее, независимость, уверенность в себе, готовность к лидерству, энергичность, принципиальность, требовательность, стойкость, склонность к борьбе за свои права, упорство, негибкость, непреклонность, прямолинейность, обостренное чувство справедливости и долга, сосредоточенность, бдительность, внимание к деталям, работоспособность, информированность. Это далеко не все качества параноидов, но представленный перечень вполне достаточен, чтобы сделать вывод о том, что перед нами люди волевого, деятельного типа характера, достойные уважения.

Приведём только несколько цитат о положительных качествах параноидов, определяющих масштаб их личности.

Параноик работает везде, где он находится. За чашкой утреннего чая он дорисовывает схему, которую не успел закончить прошлой ночью... Принимая душ и затем одеваясь, он в режиме бормотания проговаривает тезисы своего выступления на предстоящем производственном совещании, с удовольствием перебирая в уме наиболее актуальные и трудоёмкие задачи. Ложась в постель, он кладёт рядом с подушкой телефон, чтобы ни в коем случае не проспать

какое-нибудь важное событие, чтобы ни одна значимая проблема не была — не дай бог! — решена без его участия.

— *В. В. Пономаренко*

Человек паранойяльного типа — реалист и не занимается бесполезными делами, пустыми фантазиями. В своей жизни предпочитает опираться только на факты и конкретные технологии. Всегда имеет свойственную ему железную логику, упорно отстаивает свою точку зрения. Работает по тщательно обдуманному плану, проявляя в этом изобретательность. Это очень трудолюбивый человек, ценит работоспособность в других людях и не терпит лени. Можно даже сказать, что это главный трудоголик из всех психотипов.

— *Е. В. Спирица*

...Паранойяльные меняют традиции, способствуют развитию общества, внедрению новых социальных форм, а новые социальные формы открывают дорогу техническим новшествам.

— *А. П. Егидес*

Особая нервная система паранойяла позволяет ему совершать масштабные действия, реализовывать грандиозные планы. Для больших действий нужны сила и энергия. И оба этих условия у него присутствуют! Сильная нервная система, которая опирается на энергичность, — только так можно

обеспечить мощный потенциал для воплощения замысла... Застревающая нервная система — основа длительной концентрации и целенаправленности, которые обеспечивают выполнение масштабной задачи.
— Е. В. Спирица

Исследователь типов акцентуированных личностей немецкий психиатр К. Леонгард относил к ведущей черте параноидов *стойкость аффекта* (лат. affectus — душевное волнение, страсть). В психиатрии аффектом принято называть бурное чувство, сильный эмоциональный разряд, который, как правило, протекает кратковременно. Стойкость же аффекта, напротив, говорит о способности параноидов длительно поддерживать душевное пламя и нести его в мир людей подобно Данко с зажжённым сердцем. «Поскольку параноик всегда уверен, что только он один знает, куда нужно идти, где искать счастья, — он охотно показывает это направление всем желающим», — отмечает В. В. Пономаренко.

А. А. Сосланд обращает внимание, что деятельность личностей, чьи фигуры удостаиваются общественной оценки как харизматичные, нередко имеет классические признаки параноидности. В их поведении присутствуют преданность сверхценной идее, вера в исключительность собственной миссии, неустанная борьба со своими идеологическими противниками.

Принимая во внимание наличие стойкости аффекта и лидерской харизматичности у параноидов, можно вспомнить

историка Л. Н. Гумилева, который развивал идею о важной исторической роли личностей особого типа — людей страсти, пассионариев (от фр. *passionner* — страсть). Пассионарии активны и энергоизбыточны. По определению Л. Н. Гумилева, пассионарии способны абсорбировать из внешней среды энергии больше, чем это требуется для личного и видового самосохранения, и затем выдавать эту энергию в виде целенаправленной работы. Хотя доля пассионариев в популяции невелика, именно они становятся двигателями этнической истории. Они идут на риск, ставят перед собой невыполнимые цели, заряжают окружающих своей энергетикой и ведут их за собой, зачастую вступая в непримиримый конфликт с прежними общественными нормами.

Так же, как невелико число пассионариев, невелико и число параноидов. По данным статистики, параноидное личностное расстройство встречается от 0,5 до 2,5% в общей популяции. Возможно ли, что идейные и аффективные параноиды равны пассионариям? Ведь даже юнгианский аналитик Л. Зойя в своей книге, обзревая роль сверхценных религиозных и политических идей за последние столетия, называет паранойю — творцом истории. Нет сомнения, что многие выдающиеся лидеры, повлиявшие на ход исторического процесса, имели признаки параноидного склада характера, чьими сомнительными идеями соблазнялись широкие народные массы. Однако пассионарность и параноидность не тождественны. Клинические наблюдения убедительно сви-

детельствуют о том, что фактор паранойи обнаруживается в том числе у людей социально пассивных, личностей вполне заурядного масштаба. Большинство параноидов не оказывают какого-либо заметного влияния на направленность общественных движений и течение истории.

Как и у любого психотипа, у параноидов есть изнаночная сторона их натуры, далёкая от позитивности. И, к сожалению, на чаше весов характерологических качеств она значительно перевешивает потенциальные достоинства отдельных положительных черт. Проявляется эта негативная сторона у параноидов в подозрительности, недоверии к людям, повышенной конфликтности, отвержении компромиссов, сутяжничестве, враждебности, нетерпимости к инакомыслию, раздражительности, внешнеобвиняющем типе реагирования, гневливости, злопамятности, мстительности, завистливости, обидчивости, ревливости, отсутствии чувства юмора, морализаторстве, самоуверенности, заносчивости, амбициозности, властолюбии, упрямстве, критичности, консерватизме, негибкости, ригидности установок, застреваемости, презрении к слабым, склонности к негативным проекциям, стремлении к всеохватывающему контролю близких и дискриминации инакомыслящих. Вся эта малосимпатичная палитра качеств переводит параноидов в глазах обывателей, а иногда даже в оценках исследователей, в разряд «плохих характеров».

Все лица с параноическим характером считаются

своими знакомыми людьми странными, неприятными, неуживчивыми... При непродолжительном знакомстве даже очень умные люди высоко ценят лиц с параноическим характером; но те, кому долго приходится иметь с ними дело, относятся к ним недоброжелательно, избегают их, ограничиваются лишь необходимыми сношениями. Немногочисленные поклонники лиц с параноическим характером замечают в них странности и недостатки, но объясняют их снисходительно. Даже эти простецы, верящие в талантливость и честность параноиков, соглашались, что с ними трудно живётся, что у них тяжёлый характер, что они упрямы и недоверчивы...

— *В. Ф. Чиж*

Неприязненное отношение к параноидному типу у специалистов прослеживается вполне отчётливо. К. Леонгард, в частности, указывает, что присущая параноидам стойкость аффекта является не здоровой, а патологической. Д. Шапиро, в свою очередь, подчёркивает, что параноидный тип (стиль невротической деятельности) «гораздо более патологичен по сравнению с любым другим стилем» и представляет собой «единственный стиль, включающий в себя психотическую потерю реальности». А полное название труда Л. Зойя звучит диагностически безапелляционно: «Паранойя. Безумие, которое творит историю».

Оставим пока в стороне моральные и психиатрические оценки рассматриваемого характера. Напомним, что нас ин-

тересует прежде всего ущемлённая потребность, которая лежит в основе параноидного сюжета. Поиском потребности, добровольно возложенной параноидами на жертвенный алтарь, и будет выстроен весь ход расследования характера.

Немного о терминологии. Существуют различные классификации типов характеров. Мы используем психолого-психиатрическую типологию, получившую широкую известность и применение. В качестве синонима параноидному типу характера в литературе используются названия «параноический», «паранойяльный», «застревающий», «бдительный», «ригидный», «авторитарный». Некоторые исследователи отождествляют параноида с эпилептоидным (возбудимым) типом или считают его лишь подгруппой других типов характеров.

Традиционно названия акцентуаций характера и расстройств личности образуются от психиатрических нозологий психотического и невротического уровней. Так, шизоидная акцентуация в лёгкой и неклинической форме напоминает отдельные признаки шизофрении, истероидная — истерии, ананкастная — обсессивно-компульсивного расстройства. Латинский суффикс *oid* в названиях характеров означает именно «подобный», «сходный». Соответственно, термин «параноидный» (от лат. *para* — около, вблизи + *noos* — ум, мысль, разум + *oid*) говорит о том, что мы имеем дело с характером не вполне разумным, а около-разумным, который в своих проявлениях отдалённо и отчасти напоминает

параноидную шизофрению или паранойяльный психоз.

Некоторые авторы предпочитают вместо термина «параноидный тип» использовать термин «паранойяльный тип», учитывая, что при паранойяльном синдроме бредовые идеи систематизированы, выглядят правдоподобно, часто опираются на вполне вероятные события или реальные факты окружающей действительности, но с неверной их интерпретацией. В этом контексте при назывании акцентуированного характера «паранойяльным» подразумевается, что стиль мышления его носителей, склонных к образованию сверхценных идей, подобен паранойяльному бреду, с типичными для него идеями ревности, сутяжничества, кверулянтства и пр., а не параноидному бреду с более тяжёлыми и явно оторванными от реальности идеями преследования, отношения, величия, метаморфозы, к тому же часто сопряжёнными с галлюцинаторной симптоматикой.

Таким образом, термин «паранойял» более оправдан для обозначения акцентуированного характера или расстройства личности, чем «параноид». Однако мы будем оперировать именно последним по нескольким причинам. Во-первых, суффикс «-оид» подчёркивает как раз лёгкое подобие, а не тождественность содержанию психотических расстройств. Во-вторых, параноиды органично вписываются в один ряд с другими «-оидными» акцентуированными характерами: шизоидным, истероидным, циклоидным, эпилептоидным. В-третьих, большинство авторов, чьи цитаты будем

во множестве приводить в книге, используют чаще термин «параноид», поэтому есть резон и далее придерживаться сложившейся традиции.

Параноидное расстройство личности включено в американское диагностическое руководство психических расстройств 5 пересмотра (DSM-5) и в международную классификацию болезней 10 пересмотра (МКБ-10). Однако в новой классификации МКБ-11, в которой типология личностных аномалий построена на психологической пятифакторной модели личности («большой пятёрке»³), этот диагноз отсутствует. Отдельные черты параноидных личностей в МКБ-11 можно усмотреть в домене «негативной аффективности при расстройстве личности и личностных проблемах» (6D11.0), но полного соответствия нет. Новому подходу к систематизации личностных расстройств в МКБ-11 ещё предстоит пройти проверку временем. Пока параноидный тип остаётся включённым в других руководствах, он подлежит изучению.

Описание параноидного типа у многих исследователей в общих чертах совпадает, хотя в качестве «ядра личности»

³ Исследование расстройств личности, проведенное в DSM в рамках пятифакторной модели выявило у параноидного расстройства личности в факторе нейротизма высокий показатель враждебности, в факторе экстраверсии — низкую эмоциональную теплоту и коллективистичность, в факторе открытости опыту — низкие уровни продуцирования новых идей, непредсказуемости и релятивизма, в факторе доброжелательности — низкие показатели доверия, честности, альтруизма, уступчивости и расточительности.

могут подчёркиваться разные признаки. Мы начнём исследование характера с анализа ключевой улики, которая прямо говорит о совершенном страшном преступлении, поскольку сообщает о жертве и указывает на обвиняемого. О важности её свидетельствует уже одно то, что она всегда с неизменностью обнаруживается в делах самых разных подтипов параноидов: патологических ревнивцев, псевдосутиг, борцов-правдолюбцев, сторонников теории заговора, маргинальных учёных, политических радикалов, религиозных фанатиков. К рассмотрению предлагается улика склонности к образованию сверхценных идей.

Улика №1: Сверхценная идея

Под сверхценными идеями принято понимать доминирующие в сознании на протяжении значительного времени стойкие, эмоционально насыщенные суждения. Они балансируют на границе с бредовыми идеями, но в основном не оцениваются как патологические и могут присутствовать даже у психически здоровых людей. Тем не менее в некоторых случаях эти идеи могут трансформироваться в бредовые. В лёгких и умеренно выраженных вариантах параноического расстройства личности говорят о наличии именно сверхценных идей.

Из свидетельских показаний

Самым характерным свойством параноиков является их склонность к образованию так называемых сверхценных идей, во власти которых они потом и оказываются; эти идеи заполняют психику параноика и оказывают доминирующее влияние на все его поведение.

— *П. Б. Ганциукин*

Сверхценные идеи — это суждения, возникающие в контексте реальности, но в дальнейшем отрывающиеся от неё: «Он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть». Они занимают особое место в

сознании, аффективно заряжены, имеют необычайно актуальное значение для личности и в значительной мере определяют её поведение. Это сильно и длительно эмоционально нагруженные идеи, срастающиеся с личностью и поглощающие её.

— *И. А. Шаповал*

Паранойяльный компонент личности отвечает за формирование сверхценных идей, которые человек всеми силами старается реализовать, даже несмотря на их абсурдность или невыполнимость... Идеи постепенно перерастают в стойкие убеждения авторитарного, бескомпромиссного и прямолинейного человека, не способного увидеть иные точки зрения и согласиться с ними.

— *С. Н. Савинков*

Сверхценные идеи подчиняют себе всю личность, определяют поведение индивидуума; не параноическая личность управляет своими мыслями, а мысли управляют ею.

— *А. Б. Смулевич*

Если паранойяльный испытал инсайт, озарение, то всему конец: с позиции усмотренной им истины все другие противоречащие ей мысли отменяются как ложные, вредные для человечества. Он считает безукоризненной свою систему и все другие системы неправильными. Для него гениальность его доктрины

самоясна, так же как его паранойальным противникам
ясна её вздорность.

— *А. П. Езидес*

...Настоящий параноик, по всей видимости,
испытывает объясняющее озарение: объяснения,
которые он даёт сам себе, обретают качество
веры. Бредовая идея — это истина, потому что
она имеет то же качество, что и религиозное
откровение. А обрётённая религиозная истина не
подлежит изменениям, поскольку её изменение — не
исправление, а ересь.

— *Л. Зойя*

Стремление к познанию, поиску универсальной «теории всего», формированию завершённой когнитивной картины мира — нормальная человеческая потребность. Параноиды не отклоняются от данного вектора, а отличаются лишь страстностью переживаний своих умопостроений, стойкостью аффекта. Более того, исследователь параноидного мышления Д. Шапиро отмечает, что внимание параноидов намного острее, чем у обычного человека. Они предельно сконцентрированы, скрупулёзно изучают поступающую информацию и зачастую поражают своей точностью в фактических деталях.

Параноиды твёрдо уверены в истинности своих необычных идей и обладают даром убеждения, заставляя других верить в особую значимость их субъективных построений. Это

нередко определяет оценку параноидов как харизматичных личностей. Очарование транслируемыми ими идеями обуславливает в больших социальных масштабах феномен коллективной паранойи, а в малых клинических — феномен «сумасшествия на двоих». Люди, менее уверенные в себе, часто обретают в личности ригидного склада прочную опору, готовые подчиняться и следовать за ней даже в весьма рискованных мероприятиях. В связи с этим А. Б. Смулевич предложил деление параноидов на *экспансивных* и *сензитивных (чувствительных)*. Эта классификация совпадает и с делением Д. Шапиро параноидов на две категории: личностей ригидно-надменных, агрессивно-подозрительных, с манией величия и личностей скрытных, зажатых, боязливо-подозрительных. Первые — ведущие, активные, наступательные, генерирующие идеи. Вторые — ведомые, несколько аутистичные, пассивно впитывающие чужие мысли.

Из свидетельских показаний

Некоторые параноидные личности тихи и сдержаны, почти стеснительны, однако смотрят на мир с неослабевающей подозрительностью. Другие мелодраматичны, громогласны, даже воинственны. Они часто намеренно поднимают градус разговоров, потому что обожают спорить. Подобные личности могут приходить на демонстрации и ставят перед собой задачу не просто вступать в конфликты, но и обострять их, даже применять физическую силу, толкая других,

блокируя машины, нанося ущерб зданиям. Они очень близки к границе нестабильности: всё, что им требуется, — это триггер.

— Д. Наварро

Нас прежде всего интересуют экспансивные параноиды, чьё название говорит о том, что мы имеем дело с людьми с выраженным *механизмом ассимиляции*. В социальном пространстве они убеждают, наступают, захватывают, подчиняют. Экспансивные параноиды со своими идеями подобны персонажу фильма «Матрица» — вирусу агенту Смит, который, активно контактируя с жителями виртуального мира, заражал их и превращал каждого в точную свою копию.

Застревающая структура личности заметна у политиков всевозможных мастей, религиозных и общественных деятелей, реформаторов, вождей, диктаторов и борцов с режимами. «Паранойяльные люди — творцы новой общественной идеологии, новых экономических макросоциальных систем, новой религии, новых течений в старых религиях», — считает А. П. Егидес. П. Б. Ганнушкин в группе параноидов выделял подгруппу фанатиков, «с исключительной страстностью посвящающих всю свою жизнь служению одному делу, одной идее, служению, совершенно не оставляющему в их личности мест ни для каких других интересов». Однако не все параноиды являются лидерами и участниками масштабных социальных движений. Даже среди экспансивных параноидов встречаются личности меньшего социального размаха:

заядлые спорщики, ревнивцы, сутяжники, одержимые изобретательством, правдоискатели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.